

Генри не знал, сколько времени он проспал. Скорее всего, это был не один день, поскольку все его раны затянулись, и он больше не чувствовал боли, когда разгибал конечности и шевелил телом. Правда, он чувствовал некоторую скованность, но этого следовало ожидать, если он долго спал. Больше всего его удивило то, что ничто не напало на него, пока он спал. Если преувеличить еще больше, то, проснувшись, он обнаружил, что на нем отдыхают птицы, а рядом с ним ютятся мелкие грызуны. Он не знал, насколько неподвижен он был во сне, но этого было достаточно, чтобы обмануть мелких животных и подобраться к нему.

Медведь был все еще мертв. От него остались одни кости, но Генри не думал, что удивится, если, проснувшись, увидит, что медведь регенерирует все свои утраченные органы и плоть. Но, к счастью, такого абсурда не произошло. Он не знал, было ли это просто ощущение, но скелетная туша медведя казалась ему бесплодной и пустой, но он не придавал этому значения.

Его желудок заурчал, как только он поднялся на ноги. Это было самое громкое ворчание, которое он слышал. Должно быть, он долго спал, раз так проголодался. Сделав шаг вперед, он чуть не упал, но вовремя опомнился. Он уже давно привык к своему новому телу, но почему-то чувствовал себя по-другому. Он подумал, что это только в голове, но, когда он сделал еще один шаг вперед, то заметил, что глубина оставленного им отпечатка была глубже, чем он привык. Тогда же он обратил внимание на свои когти, они почему-то казались больше. В его голове зародилась догадка.

Генри осторожно подошел к озеру и заглянул на поверхность. Он задохнулся при виде собственного отражения. Несмотря на то, что он остался прежним, в его внешности произошли значительные изменения. Во-первых, он удвоился в размерах. Его чешуя была темнее, чем он помнил, а глаза были похожи не на янтарь, а на угли. Его голова стала немного длиннее и объемнее, как и три рога. Присмотревшись, он заметил темные красновато-коричневые татуировки, спускающиеся от головы до кончика хвоста. Кстати, о хвосте: на хвосте у него росли шипы, а кончик хвоста был заострен. Он был таким же острым, как и когти. Конечно, шипы на задней части его тела тоже немного выросли. В общем, он сильно вырос, хотя не прошло и месяца.

Он вскинул голову и издал рев в небо. Но тут же сомкнул челюсти и отшатнулся назад, словно только что увидел какое-то ужасающее видение. В каком-то смысле так оно и было. Он пережил нечто ужасающее. Он надеялся, что это была его паранойя. Стоя лицом к поверхности озера, он медленно открыл рот, и его тревога стала явью. Его нижняя челюсть разделилась вертикально на две части, как у крокодила. Самым странным было то, что он не чувствовал ничего физически неправильного. Он даже зевнул, когда проснулся, и ничего

страшного не произошло. Это было неестественно естественно, даже когда он открывал и закрывал рот, наблюдая за своим отражением.

Чтобы отвлечься от резкого изменения рта, он переключил внимание на то, что хотел увидеть после того, как узнал о своем росте. Обратившись лицом вверх, он выпустил огненное дыхание. Из его рта вырвался поток пламени. Поток был толще, а дальность полета больше. В тот момент он совсем забыл о своих раздвоенных челюстях, и ему не терпелось узнать, что еще в нем изменилось.

Он заметил в углу зрения скелетную тушу медведя, и ему в голову пришла идея. Он повернулся лицом к озеру и взмахнул когтями. На его лице появилась улыбка, когда из его когтей вырвались лезвия ауры. Лезвия ауры пронесли по поверхности и издали ударили по дрейфующему бревну. От него по поверхности озера пошла рябь. Скорее всего, монстры были напуганы внезапным проявлением силы Генри.

Желудок Генри снова заурчал, напоминая ему о самой важной проблеме. Он был так взволнован своим ростом, что забыл об этом. Удовлетворенный результатами, он с хмыканьем направился обратно в пещеру. По дороге он понял, что вырос не только на поверхности. Его чувства были острее, чем раньше. Точнее, его слух и обоняние еще больше усилились, и он мог точнее различать запахи и ароматы. Теперь, когда у него улучшились органы чувств, он понял, как много существ и чудовищ существует вокруг, постоянно появляясь незамеченными. И он готов был поспорить, что есть еще много других, которых он не в состоянии заметить. Он не знал, почему они не нападают на него, несмотря на разницу в их мастерстве. Он не задумывался об этом, да это и не принесло бы ему пользы.

Когда Генри приблизился к пещере, он обнаружил, что что-то наблюдает за ним издали. Вернее, это был кто-то. Он мельком увидел силуэт человека, но тот исчез, прежде чем он смог рассмотреть его поближе. Он уловил его запах, и он не был похож на запах людей из племени. На самом деле от человека исходил запах, который был таким же мерзким, как моча и навоз. Короче говоря, человек пах отвратительно. Кто-то желает ему зла, вот что он подумал. Он сделал мысленную заметку о том, что после того, как поест, надо будет выследить этого человека.

Когда в поле зрения появилась пещера, на него обрушилась огромная волна облегчения. С тех

пор как он появился на свет, самым большим счастьем для него было купание в пруду и возвращение в пещеру после тяжелого рабочего дня. Хотя он не пах ужасно, у него все еще было желание принять ванну. Он сомневался, что ему вообще нужно мыться, ведь все его раны зажили без малейшего намека на нагноение. Мытье было скорее душевным, чем физическим.

Его веселая скачка внезапно прервалась. Ветер переменялся и подул со стороны пещеры. В его нос ударило огромное количество зловония. Его кровь стала теплой, а брови выгнулись дугой от гнева. Его обитель захватили и заняли в его отсутствие. Он предвидел, что нечто подобное рано или поздно произойдет, но не ожидал, что это будут именно они. Как будто оккупанты тоже уловили его запах, они вышли из пещеры. Это была небольшая орда павианов, очевидно, та же стая, что и та, которую он зажарил. Но по сравнению с прошлым разом было очевидное отличие. Посреди орды находился бабуин, вдвое крупнее остальных, предположительно альфа. Он больше походил на гориллу, чем на бабуина, но, в конце концов, у него было лицо бабуина и хвост.

В отличие от прежних времен, Генри не чувствовал ни страха, ни тревоги. Он чувствовал только ярость. Толпа бабуинов расступилась, как Красное море, когда альфа с самодовольным видом направился к Генри. В отличие от альфы, большинство других бабуинов тряслись от страха, а их взгляды заплывали. Они все еще помнили пожар, в котором сгорела половина их собратьев. Альфа не был на месте происшествия в тот страшный момент и поэтому не понимал, какую угрозу представляет для них Генри.

Альфа остановился перед Генри, возвышаясь над ним своим огромным телом. Он смотрел на него сверху вниз с властной ухмылкой. Он пытался и отдувался, глядя на него. Он смеялся, возможно, над тем, что Генри оказался в поле его зрения. Он начал легонько постукивать по голове Генри. Его смех становился все громче. Легкие удары превратились в легкое мерцание. Вскоре он уже похлопывал Генри по голове, издавая громкое эхо.

Татуировки на теле Генри начали светиться. Альфа прекратил свои насмешки и расширил глаза. Даже он мог понять, что что-то не так. Наконец он встретился взглядом с Генри, который игнорировал, пока его оскорбляли. Ярость кипела в налитых кровью глазах Генри. Генри издал лишь небольшой рык, и альфа инстинктивно отпрянул назад. Поняв, что его напугал низкий рык маленькой, казалось бы, ящерицы, альфа сделал шаг назад и ответил более громким рыком. Но Генри в ответ фыркнул.

На голове альфы вздулась вена. Он затрясся от злости и зарычал прямо в лицо Генри, но тот даже не вздрогнул. После его опыта с демоническим медведем, уровень запугивания альфа-бабуина был ничтожным, даже не пятнышком. Видя безразличие Генри, он окончательно потерял терпение и обрушил на него свой кулак. Генри зарычал и ударил когтями по занесенной руке альфы, аура вырвалась из его когтей и рассекла руку альфы. Куски руки альфы упали на землю. Он даже не успел зафиксировать происходящее. Все произошло слишком быстро. Его голова медленно, как ржавое зубчатое колесо, повернулась к земле, где лежала его рука. Только тогда альфа-павиан завыл в агонии, схватившись за плечо, на котором не было руки. В оцепенении от потери руки он бросился в орду, перетоптав нескольких своих сородичей. Остальные павианы зашумели и запрыгали в тревоге и страхе. Альфа указал на Генри и с ревом отдал очевидную команду. Атакуйте его! Закричал он.

Генри смеялся над замершими бабуинами, которые оспаривали приказы своего вожака. Это было вполне естественно. Они уже знали об огненном дыхании Генри, а теперь у него появилась еще одна ужасающая способность, такая же смертоносная, как его огненное дыхание. Даже если они не были разумны, чувство самосохранения должно было заставить их немного соображать. Когда альфа увидел, что никто из его собратьев не двигается, он издал еще один рев и топнул ногой по земле, чтобы утвердить свою власть. Некоторые из бабуинов начали двигаться, но только некоторые, и они дрожали от медленных шагов. Генри зарычал и выпустил свое огненное дыхание, но не прямо на бабуинов, а чуть выше них. Это сработало. Бабуины закричали от ужаса и разбежались. Альфа кричал и топал ногами, но никто не слушал его истерику.

Генри захихикал громче, чтобы привлечь внимание альфы. Это сработало, и альфа упрямо и яростно уставился на него. Он знал, что Генри ему не соперник, но его тщеславие вожака стаи не позволяло ему отступить. Альфа зарычал и ударил себя в грудь оставшейся рукой, как бы придавая себе храбрости. Затем он зачерпнул немного песка и бросил его в Генри, после чего бросился на него. Генри был удивлен. Он не ожидал, что это животное способно на трюки. Оно не было таким тусклым, как он думал, но, в конце концов, оно все равно не было достаточно умным. Иначе оно не напало бы на него в первую очередь и даже не попыталось бы сделать что-то столь бесполезное, как бросание песка. Несмотря на неожиданность, его движения были слишком медленными и очевидными. У Генри было достаточно времени, чтобы повернуться и избежать попадания песка в глаза. Когда альфа бросился прямо на него, Генри не нужно было смотреть. Развернувшись, он взмахнул хвостом и ударил хвостом по голове альфы. Он услышал, как альфа хрюкнул и упал на землю от удара хвостом. С шипами на хвосте альфа не мог остаться без пореза.

Когда они снова оказались лицом к лицу, Генри увидел, что оставил на морде альфы не просто порез. Это был даже не порез. Это была пробоина. Шипы на его хвосте пробили морду альфы в дополнение к тупой травме. Альфа все еще стоял, но не прямо. Он шатался и раскачивался. Он спотыкался, пытаясь сориентироваться, но не мог. Генри почти почувствовал жалость к нему,

но, вспомнив снисходительное самодовольное лицо альфа-павиана, потерял всякое сочувствие. Когда он уже собирался положить конец страданиям альфы, от него исходила тяжелая аура жажды крови. Альфа бросил взгляд на Генри. Его глаза покраснели и налились кровью. Что-то внутри его тела тоже всколыхнулось вместе с внезапной переменой. Это что-то было магией, Генри почувствовал это.

Альфа зарычал и ударил Генри тыльной стороной руки. Удар был неожиданным и быстрым, быстрее, чем до того, как его глаза стали красными. От этого удара Генри покатился по земле. Не успел он оправиться, как альфа набросился на него. Генри откатился в сторону, когда он ударил кулаком в землю. Генри попытался использовать свое огненное дыхание, но альфа двигался быстрее, чем он успевал извергаться. Он схватил его за челюсти и зажал их. Оно взмахнуло им в воздухе, прежде чем повалить его на землю. На втором взмахе Генри впился когтями в запястье альфы. Он завыл и отпустил хватку Генри, отбросив его в сторону. Пока он падал в воздухе, он дышал огнем в альфу. Огонь легко охватил его, но горел он недолго - его заглушала кровавая аура, которой он был окутан.

Минута страха коснулась его нервов, когда он увидел неэффективность своего главного оружия, но он быстро восстановил спокойствие и сосредоточился на другом способе уничтожения обезьяны. Однако этот краткий миг страха позволил альфе навалиться на него. Его кулак уже приближался. Он отпрыгнул в сторону и избежал превращения в мякоть под ударом кулака альфы. Когда альфа отдернул руку, Генри метнул лезвия ауры ему в лицо. Альфа быстро среагировал и вовремя отвернул лицо, в результате чего пострадала боковая часть его головы. Отвернув взгляд, Генри набросился на альфу. Он впился когтями в его плоть, чтобы не упасть от того, как сильно альфа шатался от боли, причиненной когтями. Прежде чем альфа смог оттолкнуть Генри, он впился клыками в его плечи, глубоко вонзая клыки в его плоть. Альфа закричал во всю мощь своих легких. От агонии он потерял силу хватки. Генри подумал о том, чтобы оторвать кусок его плоти, но в голову пришла идея получше. Вместо этого он пустил в ход свое огненное дыхание.

Если бы кто-то наблюдал это издалека, то, несомненно, это было бы зрелище. Пылающее и ослепительное горение, начавшееся со взрыва, похожее на фейерверк во время ночного фестиваля. Генри отпрыгнул в сторону от альфа-бабуина. Он бросил осторожный взгляд, но в этом не было необходимости. Альфа-бабуин был уже мертв. Четверть его внутренностей за несколько секунд превратилась в пепел. Как марионетка, лишённая ниточек, альфа безжизненно рухнул на землю.

Генри еще не успел позавтракать, а утро уже началось суматошно. Он прошел мимо туши и

направился к пещере. С телом альфы он разберется позже. Когда он заглянул в пещеру и ожидал найти там свой тайник с мясом, то обнаружил только кости. Очевидно, бабуины съели мертвецов своих сородичей. Генри знал, что должен был испытывать отвращение к действиям бабуинов, но больше всего его злил тот факт, что они съели его еду. 'Я должен был позволить им страдать', - такие мысли пришли ему в голову. Затем он твердыми и торопливыми шагами вышел из пещеры.

Генри подошел к туше и отрезал когтями голову. Затем он сходил за дровами и срубил несколько толстых веток с разбросанных вокруг поваленных бревен. Он вырезал из ветки кол и установил его в центре поляны. Затем он прикрепил к колу голову альфа-бабуина. Оставшуюся тушу он подтащил к ближайшему валуну и перекинул через него, давая крови стечь. Но поскольку его мучил голод, он отрезал себе большой кусок плоти и поджег его на месте. Он отправил мясо в рот, не задумываясь о вкусе и запахе.

Пока Генри наслаждался первым блюдом за день, на территорию его обители пожаловали новые гости. Гостями оказалась пара волков. Судя по негромкому рычанию и капающей слюне, Генри мог только предположить, что они голодны. Если бы они не подошли к нему с такой враждебностью, он бы подумал о том, чтобы поделиться с ними, но поскольку они этого не сделали, Генри ответил им враждебностью.

Битва продолжалась некоторое время, но это не была тяжелая битва. Напротив, это был легкий ветерок. Волки были быстры и свирепы, но, как и ожидал Генри, их клыки и когти были бесполезны против его прочной чешуйчатой кожи. Единственной проблемой для него была их поимка. Они были быстры в своих движениях, но как бы они ни были быстры, это было бесполезно, если они не могли нанести ему даже царапины. Генри просто ждал, пока они замедлятся от усталости, а затем укладывал их клинками ауры, чего они, похоже, от него не ожидали. Затем он обезглавил волков и насадил их головы на кол. Он не мог представить себя в подобной ситуации, если бы это произошло в первые дни. Но после всего, что он пережил, такое зрелище было необходимо. Не существовало закона, подобного тому, что был, когда он был человеком. Единственный закон, который имел значение, - это закон джунглей, а единственные исполнители - сами существа и животные.

Изготовив свои тотемы страха, он оттащил две безголовые туши к валунам и навалился на них, чтобы дать стечь крови. Несмотря на то, что он проснулся всего час назад, он уже чувствовал усталость. Размышляя о планах на остаток дня, он потерял виски.

День будет долгим.

<http://tl.rulate.ru/book/71574/1990875>